

Шри Ауробиндо

Стихотворения 1895 - 1908

Воззвание

С ветром, с ненастьем, вокруг бушующим,
На гору взбираюсь, где вереска цвет.
Кто пойдет со мной? Кто взойдет со мной?
Бродя сквозь потоки и прорываясь сквозь снег?

Не в городской суете маловажной,
Стиснутый вашими стенами, я обитаю —
Бог надо мною раскинулся сине-небесный,
Ветер мятежный и шторм меня обнимают.

Я во владеньях своих с одиночеством тешусь,
И неудача в друзья набивается мне.
Кто жил бы шире? Кто жил бы свободней?
Здесь, в овеваемой ветром горной стране?

Я — властелин вершины и бури,
Я — свободы и гордости Дух.
Решителен должен быть тот и отважен,
Кто трон мой разделит, мне преданный друг.

(Алипурская тюрьма)

Кто

В голубых небесах и в зелени леса
Яркость красок – дело чьих рук?
Когда ветры во чреве эфира уснули,
Кто вспугнул их, и кто заставил их дуть?

Он скрывается в сердце, в пещере Природы,
Он в уме обитает, где мысль создает,
Он в цветенье и форму цветов облачился,
В лучезарную звездную сеть пойман Он.

В силе мужчины, в грации женщины,
В мальчишеском смехе, в девичьем стыду,
В руке, что послала Юпитер вращаться,
Чтобы старательно в небе наметить дугу,

Его виден труд, Его формы и тени,
Но где же Он сам? и под именем скрыт под каким?
Может Он — Брама иль Вишну? мужчина иль женщина?
С телом или без тела? дуален или един?

Его любим мы мальчиком, смуглым и лучезарным,
Почитаем как женщину, лютую и нагую,
Его видим резвящимся в снежных вершинах,
За работой в сердце светил Его наблюдаем.

Скажем мы, что весь мир — путь Его и старанье,
Его радости – пытка, мученье и боль,
Он восторжен страданьем, заставляя нас плакать,
Чтоб затем соблазнить своей радостью и красотой.

Вся музыка суть лишь звук Его смеха,
Вся красота — лишь улыбка блаженства Его,
Наши жизни — Его биения сердца, радость –
Свадьба Радхи и Кришны, а их поцелуи — любовь.

Он силен, что звучит в гудении трубном,
Он ведет колесницу, Он стрелами разит.
Убивая безмерно, Он сострадания полон.
Он воюет для мира, и в конце победит.

Неприступный, могучий, великий и чистый,
В нарастаньи столетий, в круженьи миров,
За пределом последних пределов раздумья,
Он на троне сидит во веки веков.

Он — Владыка людей, их Возлюбленный вечный,
Он нам близок, поверьте, мы могли бы понять.
Мы слепы в нашей гордости, помпе и страсти,
Мы привязаны к нашим раздумьям, в которых свободными видим себя.

Он — кто в солнце безвременный и бессмертный,
Он — кто в ночь превратил свою тень.
Когда тьма была схвачена и проглочена тьмою,
Он один необъятный присутствовал в ней.

Воспоминание

Моей души проснувшейся внезапно привлекло вниманье
Нездешней одинокой птицы щебетанье.
Не складывалась песнь из ее плаксивых нот,
Казалось, будто вечность мне поет.
И захотелось мне в рассветный час дослушать до конца
Земного одиночества крылатого певца.
И думая над тем, что Ангел мне сказал,
Внезапно я сиянье в небе увидал,
И день открылся мне, и солнц движенье,
Рожденных мыслью, и бытия приготвление.
Затем я вспомнил, как очнулся ото сна
И землю сотворил, и океан, и небеса.

Видение Науки

Я мир в себе самом сумел узреть,
Которым Ангелицы три стремились овладеть.
Одна из них — с холодным, ясным взором,
Сильна в своих пределах яростным напором.
Другая — с жаром пламенным в груди,
Но ночь ее окутала пути.
Она не выносила пристального взгляда —
Холодного убийственного яда,
Который ум прожорливый питает,
Но в камень человеческое сердце превращает.
Одна Наукой звалась, имя же другой —
Религия, но третья появилась за второй.
Она на мир еще права не предъявляла
И в стороне в своем сиянии стояла.
Разила широко могучая горячка —
Народы охватила восхваления горячка.
Но все ж немногие другой верны остались,
И души мрака с душами познания дрались.
И первая была на трон возведена.
Ее герольды объявили, что закончена война,
Что все открыто и предельно ясно,
Но свой триумф она готовила напрасно.
Хотя тот свет, который ею был на землю брошен,
Действительно, был сказочен и мощен.
Столетия прогресс предстал пред взором:
С освобожденным от чудес и ясным кругозором
Дух человеческий свои миры измерил,
Законы света и законы звука на себе проверил.
Ничто от глаз пытливых не сокрылось,
Материя холодным взорам подчинилась,
Далекое внезапно близким стало,
И мрачное вдруг светом воссияло.
Все измеряя и сверяя, сильная Наука продвигалась,
Деля и сочетая, к звездам поднимаясь,
Исследуя свеченья их и формы,
Предвидя катаклизмы и смиряя штормы.
Сомнений не осталось, чудеса исчезли,
Земля открыла тайники и бездны.
Теперь на паре лошади бежали,
И молнии уже в ярмо впрягали.
Уж небеса измеренными были,
Моря могучие секреты все открыли,
Уму уж подчинилось расстояние.
Тогда направил он свое вниманье
На самое себя, не понимая,
Как сделан он, исследуя, сверяя
И в изумленье на себя взирая.
Тогда другая появилась, встретив дух могучий,
Который был рассеян словно в небе тучи.

Она к своей сопернице воззвала:
"Я здесь, поскольку ты себя не оправдала.
Ты думаешь, что нет тебя сильней,
Но ты забыла в гордости своей
О Сфинксе, что с тобою встречи ждет.
На все вопросы ты ответишь, но придет
Его черед задать тебе вопрос,
Который ты должна принять всерьез,
Иначе уподобишься костям,
Разбросанным по вечности путям.
А если хочешь жить, узнай сперва,
Кем ты действительно являешься сама".
Наука отвечала: "Я — Земля,
Я — плоть и нерв, и семя — тоже я,
Я — многое и малое, я — форма, плазма, газ,
И в клетках серых, что невидимы для глаз,
Сокрыта тайна человека, мне она известна,
Материя одна мне интересна.
Шекспир был этим, и Иисуса та же сила
Влекла и возвела его на крест, я это изучила
Как солнца, что сияют в небесах,
И этим был Наполеон, внушавший страх".
Я слышал это, удивлен тому немало,
Как бесконечность бесконечность отвергала.
Но парадокс, как видно, оправдался,
Ведь мистицизм в долгу не оставался.
И Ангелица третья мне глаза раскрыла.
Зарю я видел, что на небе восходила,
Я слышал голоса веков грядущих,
Которые уже среди живущих.
Из сердца приближавшегося дня
Один воззвал: "Познай бессмертного себя,
Что чудеса иные создает,
Ту бесконечность, что среди бесконечностей живет!"
Тогда из наших гор ответ раздался:
"Ты, Бесконечность, — Тот, кто мной назвался,
И я не состою из клеточных фрагментов —
Сильнее звезд, древнее элементов,
В конечном теле или бесконечный
Я, разделенный, суть Единый Вечный".

Бессмертная Любовь

Когда бы я любил тебя за редкий цвет,
В тебе цветок лелея,
Иль за волос твоих волшебный свет,
Иль за красу твоих прекрасных лет,
Моя любовь угасла бы, скорее.

Когда бы я любил тебя за добродетель
И за чарующую речь,
За сострадание, что истины радеть,
Мою любовь, и Бог тому свидетель,
Могло бы Время сжечь.

Но я из-за тебя к тебе влекусь,
Ты мною овладела.
Бессмертный, я к бессмертному стремлюсь
И неизменным в мире изменений остаюсь,
И раздвигаю Времени пределы.

К морю

О море серое,
Ты мне несешь посланье смелое.
И волны спины гнут.
И расступаются глубины там и тут.
И в них волна
Колышет лодку, что едва видна.
Я слышу рокот твой:
"Иди за плещущей волной!
Не закрывай глаза,
Смотри, могу достать я небеса!
Ведь этот челн
Мое волнение берегу предпочел,
И если смерть найдет,
Ему не более чем многим повезет.
Ответь врагу,
А не сиди как трус на берегу.
Меня познай,
И наслаждение опасностью вкушай!"
О море, да.
Я знаю, ты — не больше чем вода.
К тебе иду,
Пока я с небесами подожду.
Войду в пучину,
Чтоб шумного волнения познать причину.
Нельзя иначе,
Ведь Бог не безопасность человеку предназначил.
Ведь нам дано
В опасностях познать величие Его.
И Он творит
Крушения, которыми повсюду нам грозит.
И нас везде
Он обложил сетями словно рыб в воде.
И гром гремит,
И шторм благоволение не сулит,
Чтоб дух людской
Сумел подняться над грозящею волной,
Чтоб выжить смог
И сочетать с непобедимой душой зловещий Рок.
Бери меня,
О море, пенною волной пьяня.
Тебя схвачу
За гриву и на дно уволочу.
О сильный лев,
Молить ты будешь о пощаде, голову воздев.
Иди сюда
И будь упрямым как моя Судьба.
Я здесь, о Море,
Чтоб поглотить тебя в своем просторе.

Ночное море

Крадется море серое чуть видимо, чуть слышно,
Прибрежные хватая камни тысячами рук.
Я вижу грубую мерцающую бесконечность,
Прибой я чувствую
И слышу рокот волн,
Что шепчутся друг с другом, к берегу стремясь, —
Шеренги монотонного движенья,
Запятнанные пеною дрожащей.
Спокойное столпотворение изменчивого мира.

Вечер

О вечер золотой, когда задумчивое солнце
Свой блеск с себя стряхнуло, уходя.
Когда деревья шепчут у оконца,
Когда спокойны буйные моря.
Я знаю, этот час — ближайший к Богу,
Как старость, покорившая дорогу.

Откровение

Как-то раз я увидел,
Кто-то мимо пробежал —
Тут же бросился стремглав,
Предо мною вдруг представ,
Пламенея как цветок,
Что внезапно выжить смог,
Оставляя быстрый след,
Точно ветер, точно свет,
Исчезая словно мысль,
Чей уму не дался смысл.
Показавшись, небожитель
Поспешил в свою обитель.

Древо

На берегу песчаном, у реки,
Свои суки воздело древо
Как будто руки к небесам, что далеки
Для связанных земель влюбленных в небо.

Это — душа человека. Тело и мозг,
Жаждающие земного, наш в небеса замедляют рост.

Воображение ребенка

Золотой чудесный образ,
Наслажденье мне даруй,
Говорящий нежно, мягко,
Что ни слово — поцелуй!

Что за чудные, простые
Предлагает нам, шутя,
Мысли, что понять не можем,
Говорливое дитя.

А когда глаза серьезные,
И не слышен больше смех,
Удивительной игрою
Поражает детство всех:

Солнцем залитые доли,
Гномов дивные края,
Где встречаются Гиганты —
Вот фантазии земля.

Это все тебе известно,
Ты придумать это смог,
Потому что вспоминает
Все в тебе игривый Бог.

Чудеса

Снег в июне может быть,
В августе — мороз.
Роза может расцвести
В декабре всерьез.

Только знаю, никогда
Не бывать тому,
Если кто-то позовет —
Не придешь к нему.

Молитва ведантиста

Дух Высочайший,
В сердце моем обитающий,
Ты — Величайший!

Только Тебя почитающий,
Как оказался я тьмою объят?
Вопрошающий,

Чем затуманен мой взгляд?
Ах, почему же обезображен желаньем
И похотью взят,

Повержен непониманьем,
Нигде я не вижу Тебя,
И брошен незнаньем

В пучину всего и вся?
Отданный горю, страхом охвачен,
Жаждой достигнут я!

Пусть же, невзрачен,
Раненый рок мой тебя не отвергнет,
Тебе одному предназначен,

Истине верный!
Пусть же козни Твоих своенравных богов
Юность избегнет.

Пусть к испытанью я буду готов,
Ибо услышал я голос и звуки
Вечных шагов.

От этой скуки,
Которая вечность скрывает,
Избавь, от муки,

Которая взгляд мой туманит!
Пусть сердце мое прояснится,
Желанье, что манит,

Пусть прекратится!
Верни мне мою чистоту,
И прошлое пусть растворится!

К Тебе я иду!
О Знанье, откройся! О Сила, излейся!
Тебя я найду!

В горах

Убежища молчания и тьмы,
Высокие и чистые стремленья,
Спокойного величия холмы,
Снега, которых не коснулось Время.

Я вас ищу! Позвольте, наконец,
Забыв про мысль, вами насладиться,
Безмолвным и беспечным во дворец
Мне ваш прийти и в мире поселиться.

Поскольку ваш непотревожен Дух,
Который зрит на мир, невовлеченный.
Он — одиночества затерянного друг,
Единый, отрешенный, отстраненный.

Вы судьбам всем даруете одно —
Нетронутое сердце, что не жаждет и не вожделет.
Подобно вам возвышено оно,
Не просит ни о чем и не жалеет.

Перерождение

Не скоро в нас блаженство Бога совершится,
И не единой жизнью мы живем.
Навечно дух в нас должен поселиться,
Пока навечно радость не найдем.

Душа и небо — одинаковой породы,
Неведомо когда они явились.
Вневременное семя, форма бесконечная Природы —
Они не на земле творились.

Не в землю прах их должен возвратиться,
Они способны продолжать себя,
И нескончаемое будущее может возродиться
Как нескончаемого прошлого дитя.

Нас наполняют старые заветы,
И старому подвластны мы сейчас.
Мы постигаем прошлого секреты,
Но сущность их неведома для нас.

Ведь все, что есть у нас, — одни воспоминанья,
Пророчества, которые не знаем.
Лишь тот истолковать способен предсказанья,
Кто насладился бесконечным раем.

Во многом обусловлено мгновенье —
Грядущее в прошедшем обитает
И настоящее, но наше обхожденье
Одно тремя в неведеньи считает.

Не отвращает прошлого незнание.
Рождений и смертей невидимая нить
Не рвется, но к вершинам мирозданья
Способны наши души воспарить.

Оттуда ум с познанием приходит,
Поскольку Времени бескрайний океан
Раскинувшимся пред собою там находит
И внемлет многочисленным волнам.

Покров ума неясный временами
Наш дух способен приоткрыть слегка
И видеть рок, наследуемый нами,
И нерожденные века.

Он зрит, как океан вздымает волны
С огромной силой из глубин бездонных:
Где нынче Гималаи — штормы
Подобие являют гор непокоренных.

Иль сеть, что нас опутывает, рвется,
Открыв пред нами множество путей
Погасших звезд и то, что остается
От сцен давным-давно минувших дней.

Сезоны

День и ночь, сказать ты можешь,
Оттого приходят к нам,
Что встает и гаснет солнце.
Я сужу лишь по ее глазам.

Говоришь, зима и лето —
От вращения небес?
Я же знаю, от ее улыбки
Зеленеет вешний лес.

Победная песнь Тришунку

Я не умру,
Однако это тело, когда устанет дух
От своего стесненного предела, испустит дух
И пищей станет погребальному костру.

Покинув этот склеп,
Войду я в светлый и просторный дом.
Мой дух с голодной смертью не знаком,
К ее призывам остается глух и слеп.

Проглотит ночь
То солнце, что сияет в ней, и Время растворится.
Движенье звезд когда-то прекратится,
Но смерть меня не в силах превозмочь.

Еще когда
Пробили землю первые ростки, я древним был.
Когда планет, еще не появившихся, угаснет пыль,
Я буду и тогда.

Я — вечный
В звездах, в силе львов и в счастье,
В мужчине, в женщине и в их дитяти,
Изменчивый и бесконечный.

Я — дерево,
Что высится на фоне бесконечно-голубом,
Я — выпадение росы спокойное на нем,
Я — море, что не будет никогда измерено.

Во мне земля
И небеса находятся со всем их населением.
Я вечно размышляю над своим рождением
И буду, хоть и умираю я.

Страх смерти

Смерть забирает наши жизни по желанью,
Неравнодушна к нашему дыханью.
Не бойся! Посмотри в ее глаза!
Не горести, а смеха в них слеза!
К лицу ей не увядшие цветы,
А радостного сада свежие мечты.
Чего боишься ты? Водительницы нежной,
Что направляет нас дорогой неизбежной?
Быть может оттого, что обречен
На боль, ты страхом смерти омрачен?
Быть может оттого, что не цветешь,
Себя сорвать ты смерти не даешь?
Иль может оттого, что страшный суд
Тебя пугает, призрачный сосуд?
Не бойся! Смерть — всего лишь облаченье
В одежды новые и новое рожденье.

Жизнь и смерть

Жизнь — смерть, смерть — жизнь, слов игра
В сознании нашем прочно закрепилась.
Но долгожданная уже пришла пора,
И правда несказанная открылась,
Что есть лишь жизнь, а смерть — лишь маска жизни.
Мы новую ее приветствуем на тризне!

В лунном свете

И если песнь бубенчика воловьего умолкнуть вдруг должна,
Пусть будет это здесь, среди деревьев,
Мечтающих, суки к ветрам воздев,
Здесь, где сияет молчаливая луна.

Как звучна тишина! Ночная глушь
Все подчинила, только разговор
Листвы и ветра слышен да сверчков неугомонный хор,
Да кваканье лягушек в зеркале застывших луж.

Но это лишь молчанье бережет,
А вместе с ним огромную, нечеловеческую ночь.
Неизмеримая утихомиренного мира мощь
Здесь этот островок покоя бережет.

Так безгранична тьма и так полна
Раздумьями о бесконечном, что творит
Простора ощущение и таит
Опасности для жизни, что беспечна и мала.

Наш общий круг, в котором столько бед,
Теперь стал нереальным, он нам чужд,
Забыли мы ярмо житейских нужд
И тяжкий труд раба за черствый хлеб.

Пространство нас теснит, и Время окружает.
Мы нашей безграничной мыслью или ограниченным чутьем
Столетиями сражаемся и медленно идем
Назад к источнику, который их к движенью побуждает.

Никто там не бывал, поскольку невдомек,
Текут ли с Неба нескончаемые воды,
Подобно Гангу, сквозь запруды бесконечные Природы,
Иль это — темный и неистовый поток.

Два гения сосуществуют в человеке,
Несчастных два врага, один другого злее,
Сражаются за девственные земли
И будут битву продолжать вовеки.

Один исполнен огненного рвенья
И ввысь возносится, лазурью окрыленный.
Другой же, в мозг навеки заточенный,
Духовные к земному пригвождает устремленья.

Здесь, в лунном свете, странными виденьями чреватом,
Мне показалось, я увидел их фигуры:
Возникшие в деревьях две могучие натуры
Меня внезапно подвели к священным вратам.

Они суть середина и начало.
А может и конец? Завершена ль дуэль?
И победитель выявлен теперь?
И света солнечного, а не лунного, пора настала?

Пред идолом ума простерт наш век.
Минувший почитал присутствие иное.
Но в Азии, подобно голубю в ковчеге Ноя,
Он сохранен в сердцах людских навек.

Европа к нам пришла с посланием таким:
"Огонь небесный — это заблуждение,
Порыв беспечный и слепое наваждение,
Его навеки мы искореним".

Она нас призвала трудиться в свете дня
Над тривиальным, становиться лучше и мудрее,
Питаться лишь материальным и закрыть все двери
Для происков духовного огня.

Ах, лучше и мудрее, но к чему?
Она не знает, ни одна из школ ее,
Что на мечты глупцов меняют высшее бытие,
Копя богатства, но не научившись ничему.

Копя и тут же их теряя! Ибо силу хватки
Ослабит Смерть, которой им не избежать.
И тот, кто повергал народы, вскоре будет сам лежать
Беспомощнее, чем ребенок в маленькой своей кроватке.

А дальше? Ничего. Смерть — все и вся,
Змея, которая столетий кольца закрутила,
Дракон, что пожирает сильных мира —
Могучий мамонт пал задолго до червя.

Блуждают звезды циклами, пока их черный мрак не поглотил.
Рожденные из ночи солнца в ночь уходят.
Холодные, огромные пространства их хоронят,
Когда они в фантомы превращаются из Пламенных Светил.

Из двух миров умерших новый мир был создан,
В котором человек — лишь запоздалый, скоропортящийся плод.
В бездушном космосе его возникла плоть
И раствориться в нем должна подобно звездам.

Жизнь наша суть лишь мимолетное дыханье.
Горсть насекомых жалких в грустное и увядающее время,
Мы на планете, некогда прекрасной, носим боли бремя,
Существованье наше превратилось в вечной смерти ожиданье.

Мы, пот и кровь на дни свои пролив,

Все время в поисках чего-то непонятого блуждаем,
Тем самым новые болезни порождаем,
Ценою зла извечного добро сиюминутное купив.

Мы поневоле сносим оскорбления и униженье
И преступленьями над душами вершим насилье,
Корим себя, чтоб только нас Земля носила,
Но есть мы, или нет, — то повлиять не может на ее движенье.

Затем в земле находим мы успокоенье.
Навеки. И все те, ради кого мы жили,
Нас забывают. В сумрачной могиле
Придет и их черед постичь забвенье.

Труда и стона нашего каков тогда итог?
Зачем мы обрекаем души на страданье
И в тупике кончаем дней своих блужданье?
Смерть вскоре уравниет добродетель и порок.

И если Смерть — конец бессмысленной борьбы,
Тогда уж лучше вовсе не боритесь
И радостью короткой насладитесь,
Тем самым искупив суровые гробы.

И если в сердце вы лелеете ее,
Не бойтесь, вы не навредите никому.
То, что внутри, — не важно, потому
Что это — нереальное бытие.

Вкус сладок жизни, пусть же человек
Не будет ограничен ни в желаньи, ни в мечте.
Зачем должны мы в бесконечной суете
Лишать себя таких вещей навек?

Нам запрещает общество? Оно
Для нашей пользы создано, и если навсегда
Стремится нас от радостей и наслаждений оградить, тогда
Нет пользы в нем, и нам оно должно.

Нет надобности нам внимать писанию того,
Кто призывает нас вредить себе на пользу людям.
Мы, свой утратив шанс блаженства, будем
Лежать в молчании навеки. Для чего?

Что толку нам в таком спасении людей?
Оно от радости и света отделяет нас.
И мы не выиграем, когда в рассветный час
Другие будут пожинать наш плод тяжелых дней.

О новый бог, что старому пришел на смену!
Уже ты умираешь. Завтра ты умрешь.
С рассветом новым навсегда уйдешь.

Остывший и прогнивший будешь предан тлену.

Но радость добродетельна ль сама?
Иль ощущение греха важнее, и натура
Должна держаться в стойле Эпикура,
Когда Природа не сподобила ее на стойка дела?

И раз Природа — все, желанью власть.
Оно столь сладостно, что человеку не под силу,
Не ясно для чего, ему копать могилу,
Не лучше ли им насладиться властью?

Писанье странное Наука создала:
Животное вдруг стало ангелам под стать,
Мы, смертные, должны бессмертьем обладать
И в небо устремлять свои крыла.

"Творенья эфемерные, живите впрок! —
Она велит нам, — соберите для людей грядущих
Все радости и знания, таков удел живущих
В настоящем, им велящий рок".

Бессмертие она признала алогизмом.
Затем внезапно доказала то, что упустила.
Но вспышка знания ее, скорее, ослепила.
В ней тайный Ум смеется над ее софизмом.

Но Истина не будет волочить столь тягостное бремя.
Пройдя начала скудные, она его оставит
И в Небесах крыла свои расправит,
Пространство превзойдет и пересилит Время.

Не пригвождай ее к материальному порогу!
Она пойдет вперед, при этом взяв багаж
Не только света, но и саквояж
Педантов темных, преграждающих умам дорогу.

Мы ищем Истину, и мы ее отыщем.
Мы ищем Истину, а не софистские решенья.
Животные, мы все свои искупим прегрешенья.
Духовные создания, мы музыку небес услышим.

Все охватить способен интеллект едва ли.
Есть гид внутри, что может все его ошибки отмечать
И на любые наши вопрошанья отвечать.
Пророчества Его уже сбываться стали.

Не ум неясный и не самость преходящая,
А Сила величайшая, которая планеты закрутила
В пространстве и зажгла огромные светила,
Она суть вечность наша настоящая.

Та Сила в нас является и телом, и умом.
И то, что за пределами ума, — Она.
И даже тайная Наука не смогла Ее постичь, сама,
Не видя жизни, смерть своим мерилом сделав и клеймом.

В химические формулы она стремится жизнь облечь,
Не ведая, что те могучие законы,
Которые она открыла, суть Природы механизмы и шаблоны,
Что призваны свободу основать и на покой борьбу обречь.

Она за форму принимает суть,
Считает телом душу, мозгом ум.
Нетерпелива, чтобы сделать целое объектом дум,
И как ребенок знает лишь чуть-чуть.

"Достаточно, — она провозглашает, — мной открыто все.
Осталось лишь детали мне собрать
Недостающие и прибыль подсчитать".
Так в заблуждение она себя ввергает, отрицая Естество свое.

Проявится Оно Само, скорее.
И чудеса невидимых миров,
Еще укутанные в сумрачный покров,
Уже стремятся вырваться наружу. Двери

Открыты! Дни ее уж сочтены, недолго
Страданием ей человека умять.
Бессмертный дух его не станет умолять
Избавить от мучительного долга.

Он восстает теперь, поскольку Бог родился.
И революции, что сотрясают мир —
Всего лишь приглашения на пир.
Диск, Вишну брошенный, к Земле уж устремился.

Исчезнет старое, ему придет конец.
Оно рассеется, развеется, померкнет.
И все железные оковы, что до смерти
Душили нас, мы сбросим, наконец.

Свобода, Бог, Бессмертие — едины,
И это, наконец, должно быть познано.
Любовь, Блаженство, Мудрость, Справедливость, Сила грозная
Сольются в чистой радости отныне.

Век настает, который все пророчества итожит,
Который Иоанн увидел, и который Шелли описал,
Который этот век пустым воображением назвал, —
Век Золотой, земное Царство Божье.

Железный Век окончен. И теперь
Последний мрачный спазм мертвеющего прошлого

Народы потрясет и будет прожитым,
Земля, очистившись от скверны, в новый мир откроет дверь.

Таков наш человеческий прогресс. Железный Век
Готовит Золотой. В паломничестве этом
Мы глубоко внутри ведомы Кормчего советом,
Который нам велит оставить грех.

Он продирается сквозь зло с борьбой и болью,
Поскольку зло Его повсюду стережет.
В огне страдания, что нестерпимо жжет,
Кует блаженство Он и закаляет волю.

На крыльях демона Он воспаряет к Богу,
И в том причина вечных проб Его,
И Он отринул бесконечность для того,
Чтоб через смерть к бессмертью проторить дорогу.

Растущая душа должна наполнить тело,
И Небо снизойти до страждущей Земли,
Чтоб смертные бессмертье обрели,
Как то Божественная Воля захотела.

Парабрахман

Блужданье звезд и солнц сияние,
В какой-то мере временное постоянство,
А также бесконечное скитание
Объектов, что вмещают Время и Пространство —

Божественные миги, мыслеформы,
Виденья в Самости своей,
А потому реальны. Правила и нормы —
Процессы, установленные Ей.

Божественная Самость — не наружность,
А Сила, что решает. Эта Сила — Он.
Его движенье — этих форм окружность.
Во Временно-Пространственную мысль погружен,

Он — суверенный мастер внутреннего мира,
Не связанный творением своим.
Пред Ним невзрачен грех и добродетель сира,
Он будит спящих, усыпленных Им.

Не связанный ни сном, ни бдением,
Не связанный вообще ничем,
Законы побеждает Он. Пареньем
И ползаньем возносится над всем.

Собою обладая на вершине,
Не будучи никем и не имея форм,
Он все же не бесформенный донныне.
Его не ограничат ни покой, ни шторм.

"Он есть", — нельзя сказать, поскольку
Ничто есть тоже Он, непостижимый.
Его мы ищем, много ли в том толку?
И кто нашел Его, непогрешимый?

Он не является ничем, и вместе с тем Он — все.
И более, чем эта перспектива.
Безвременье и Время, то и се —
Лишь капли, что Пучина поглотила.

Он на Себя бросает тень Бытия,
Которое суть меньшее рожденье.
И Знанием скрывает собственное "Я" —
Лишь изредка спадает наважденье.

И создает Восторг, безмерный дух,
Источник этого страдающего мира,
И вечно примиряет этих двух
Несносной радостью, мучением, что мило.

На тройственной арене этой Он
Один играет собственную драму.
Своими же цветами награжден,
Себя лелеет и Себе наносит рану.

Всесильному дано не знать, не мочь, не сметь
И снова обрести былое совершенство.
Нарек Он жизнью страждущую смерть,
Нарек Он болью вечное блаженство.

Бог

Ты подпираешь собой небосвод,
Но это — Твоя обитель.
Владыка людей, рабов и господ,
Любви Служитель!

Ты не отвергнешь даже червя,
Даже земли комок.
Скромность Твоя выдает Тебя,
Ты — Бог.